

В 2021 году в короткий список «Кора» вошло несколько рассказов, продолжающих тему так называемого «травмоговорения» – разговора о травматичном детстве в эпоху социальных потрясений. Одним из наиболее известных текстов, погружающих в эту тему, была вышедшая в 2019 году повесть Ларисы Романовской «Слепая курица», ставшая победителем премии «Книгуру». Об этой автобиографической повести много говорили, понимая ее как детскую или подростковую. Однако так ли очевиден адресат? Кажется, она производит большее впечатление на взрослую аудиторию – ровесников автора, людей, рожденных на закате советской эпохи, в 80-е и тех, кто хорошо помнит реалии постперестроечных лет. Детальное, документальное воспроизведение времени порождает сложное чувство ностальгии по ушедшему тяжелому прошлому.

Рассказы шорт-листа «Коры» роднит со «Слепой курицей» несколько примет: ностальгическое описание позднесоветской и перестроечной реальности, в которую помещается герой-ребенок, при этом традиционно понимаемый сюжет практически отсутствует, есть только погружение в эпоху и в драматические переживания персонажа, за которым легко угадывается сам автор. В импрессионистичных зарисовках несколькими штрихами передается настроение и аромат времени. «Ненадежный рассказчик», ребенок, глазами которого мы видим мир, искренне и беззастенчиво транслирует нам состояние эмоционального онемения – свидетельство травмирующего воздействия внешнего конфликта. Герой словно бы герметично закрыт, окуклился в коконе, чтобы обрести подобие равновесия, капсулируя душевную рану.

Пожалуй, с самым безобидным примером детского ухода от реальности мы сталкиваемся в рассказе Ирины Лукьяновой «Эффект иризации». Девочка не любит свое имя, её дразнят в школе. По дороге из школы домой героиня уходит в созерцание радужных разводов на луже. Эта по-детски спонтанная фантазия порождает целый ряд восходящих образов и запускает метафорическое преобразование нелюбимого имени и мира: Ира-иризация-радуга-радужный мир.

В рассказе Аделии Амраевой «Удод и родители» ребенок становится сторонним наблюдателем серьезного разлада в одной семье. Соседка с криком и шумом выставляет из дома пьяницу зятя, а вслед за ним из дома уходит взрослая дочь – в свою очередь тоже с проклятиями и угрозами, но уже в адрес мамы. Чужая жизнь выворачивается наизнанку при детях, мирно играющих на улице в вышибалы. Кажется, эти девочки привычны уже ко всему, они никак не реагируют на происходящее. Главная героиня наблюдает за парой удодов – символом неразлучных супругов и в то же время высоким примером любви к родителям. В финале читателя ждет нравоучительная сцена, почти притча: героиня обещает своей маме никогда не бросать её – но, кажется, не из-за того, что ее научил чему-то скандал во дворе, а просто потому, что она маленькая девочка и совсем еще по-детски привязана к родителям, да и родители у неё не в пример соседке люди не скандальные.

В небольшой зарисовке Вадима Шамшурина «Жук» автор ностальгически вспоминает охоту на водяного жука. Место действия – «самая большая и глубокая лужа на краю двора, за углом дома». Каждый, кто вырос в доцифровую эпоху и играл весной во дворе, вспомнит цвета, запахи, ощущения такой увлекательной прогулки... и часто неизбежный ремень – плату за испачканную и мокрую одежду.

Два рассказа показывают разведенных родителей в критическом состоянии. Интересно, что один из рассказов («Дырка» Ольги Фикс) – это явная проекция мамы. То есть повествование ведется от лица девочки, но понятно, что автобиографичный персонаж здесь мама девочки – разведенная женщина, эмигрировавшая в Израиль с ребенком. В онлайн-трансляции разгорается классический скандал: мужчина и две его жены – бывшая и нынешняя. Причина ссоры страшное, но несерьезное увечье ребенка, главная героиня пробила руку дыроколом. Любопытно, что эта сцена, рассказанная взрослой мамой от лица дочки, не выглядит трагично, она скорее комичная. А вот в рассказе «Звезды в реке» Дмитрия Сиротина атмосфера совсем не смешная. В герое угадывается автобиографичный персонаж. Диалог мамы и маленького сына оборачивается

скрытой битвой ребенка за право видеть в своем отце нормального папу, а не «нищоброда», «папашку», каким он кажется обиженной женщине.

В этих рассказах, сознательно или нет, проговаривается общесоциальная травма советского и постсоветского детства. Безусловно, это очень необходимая работа, и отраднo, что она совершается. Однако в таком повествовании – изнутри болевой ситуации – она адресована скорее взрослым людям. Современным детям и подросткам прямое погружение во взрослый ад прошлого может казаться шокирующим и непонятным: например, детская привычка к насилию, взять хоть спокойное отношение к родительскому «ремню» или к вездесущей пассивной агрессии. Здесь не хватает дистанции отрефлексированного переживания, на базе которого мог бы возникнуть сюжет, необходимый для детского, подросткового и young-adult произведения.

Белла Кирик

nobella@yandex.ru